

Индо-Тихоокеанский versus Азиатско-Тихоокеанский: дискуссия о перспективах азиатского регионализма

Сергей Константинович Песцов,

доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: skpfox@yandex.ru

Концепция Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) в последние годы приобретает всё большую популярность как среди политиков, так и в академических кругах. Об этом говорит более активное использование данного концепта самыми разными государствами (от США до Литвы) в качестве одного из стратегических ориентиров, определяющих их внешнеполитические курсы и приоритеты. Другим, не менее важным подтверждением этого стали активные дебаты между его сторонниками и критиками. Важная роль в этих дебатах отводится сравнению двух подходов — традиционного Азиатско-Тихоокеанского и нового Индо-Тихоокеанского — к упорядочению отношений и организации регионального сотрудничества в Азии. Это позволяет некоторым исследователям прийти к выводу о наличии у первого целого ряда достоинств и преимуществ и одновременно множества фундаментальных изъянов у второго, способных дезорганизовать существующий региональный порядок. По их утверждениям, если основанием АТР выступает экономика, то ИТР мотивируется в первую очередь соображениями геополитики и безопасности; в то время как определяющей характеристикой первого является инклюзивность, отличительной чертой второго выступает эксклюзивность; первый отличает значительный, хотя и несовершенный, уровень институционализации, второй остаётся слабо оформленным и организованным; АТР содействует интеграции и росту регионального единства, ИТР ведёт к разделению Азии на конкурирующие блоки. Однако, как показывают результаты анализа, представленные в данной статье, подобного рода утверждения далеко не всегда достаточно обоснованы и требуют более тщательной и внимательной оценки.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, Индо-Тихоокеанский регион, региональное сотрудничество, интеграция, организация Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, Япония, США, Китай.

Indo-Pacific versus Asia-Pacific:**A Debate on the Prospects of Asian Regionalism.**

Sergei Pestsov, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: skpfox@yandex.ru.

In recent years, the concept of the Indo-Pacific region has become increasingly popular among both politicians and scholars. One proof of this is the active use of this concept by various states (from the United States to Lithuania) as one of the strategic reference points that determine their foreign policy courses and priorities. Another important proof is the active debates between its supporters and critics. A key element of these debates is the comparison between two approaches — the traditional Asia-Pacific and the new Indo-Pacific — to regulating relations and organizing regional cooperation in Asia. This allows some researchers to conclude that the former has some advantages and benefits, while the latter has fundamental flaws that can disrupt the existing regional order. According to their arguments, while the Asia-Pacific region is primarily driven by economy, the Indo-Pacific region is largely motivated by geopolitical and security considerations; while the former is defined by inclusivity, the latter is distinguished by exclusivity; while the former has a significant, albeit imperfect, level of institutionalization, the latter remains weakly structured and organized; and, finally, while the Asia-Pacific region promotes integration and the growth of regional unity, the Indo-Pacific region leads to the division of Asia into competing blocs. However, as the results of the analysis presented in this paper show, such statements are not always sufficiently well-founded and require a more thorough and careful evaluation.

Keywords: Asia-Pacific region, Indo-Pacific region, regional cooperation, integration, Asia-Pacific Economic Cooperation, Japan, USA, China.

ВВЕДЕНИЕ

Индо-Тихоокеанский регион превратился сегодня в одну из актуальных тем в дискуссиях о мировой политике и международных отношениях. Как иногда утверждается, Индо-Тихоокеанский в качестве нового «суперрегиона субрегионов» приходит на смену привычному Азиатско-Тихоокеанскому как ещё более обширное пространство, где неизбежная геоэкономическая интеграция будет определять будущее мира [18, р. 33; 36, р. 1]. Сторонники новой концепции приводят множество разных доводов, доказывая справедливость этого утверждения. Одни указывают на то, что смысл концептуализации Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) как отдельного (хотя и не очерченного окончательно) региона отражает происходящие фундаментальные перемены, связанные с подъёмом

двух азиатских гигантов — Китая и Индии, а также расширение и интенсификация экономической деятельности и обострение геополитической конкуренции на этом обширном морском пространстве [17; 44]. Другие ссылаются на то, что это пространство представляло собой единую стратегическую систему в течение нескольких столетий, за исключением короткого периода в истории, когда геополитика холодной войны «расколола» Азию на более мелкие субрегионы [27; 38; 15].

Однако с этим соглашаются далеко не все. Наиболее критично настроены те, кто оказывается исключённым в результате предполагаемого реформатирования регионального пространства или ощущает себя таким. В Китае и России концепция Индо-Тихоокеанского региона с самого начала воспринималась в целом как искусственная, лишённая какой-либо основы конструкция, главной целью которой является сдерживание КНР и РФ и продвижение интересов США и их ключевых союзников [52; 43; 5; 29; 39]. Схожие взгляды разделяют и многие в мире [34; 43].

Критические оценки концепции Индо-Тихоокеанского региона, однако, не ограничиваются только лишь политически или идеологически мотивированными доводами. Различные исследователи пытаются оценить её обоснованность, опираясь на объективный анализ и рациональные доводы. Одним из важных критических аргументов в этом случае становятся ссылки на слабости и ограничения, которые они обнаруживают, сравнивая с концепцией Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) и привычным (несмотря на все его недостатки) шаблоном пространственной организации, который она предлагает. Чтобы понять, насколько они обоснованы, необходимо выяснить, как именно и по каким параметрам осуществляется сопоставление и в какой мере убедительными являются полученные результаты.

ИНДО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: НЕБЛАГОПРИЯТНОЕ СРАВНЕНИЕ

Показательным примером развёрнутого и подробного сравнения двух концепций — ИТР и АТР — можно считать работу Дж. Уилсона «Перемасштабирование в Индо-Тихоокеанском регионе: от экономического регионализма к регионализму, ориентированному на безопасность в Азии». Он приходит к выводу о том, что переход от формата Азиатско-Тихоокеанского региона к Индо-Тихоокеанскому, по сути, представляет собой попытку трансформировать азиатский регионализм из процесса, ведомого экономикой, в процесс, обусловленный обеспечением безопасности. Объединение этих двух регионов в новую концепцию Индо-Тихоокеанского региона ведёт к появлению конструкции с меньшим уровнем

экономической интеграции, чем та, которая уже существует в АТР. В экономическом плане масштабирование до ИТР уменьшает пространственное соответствие между концепцией регионализма «сверху — вниз» и процессами регионализации «снизу — вверх», поскольку он слишком велик, для того чтобы адекватным образом охватить масштабы современной экономической интеграции в Азии [50, р. 187, 191]. Аналогичным образом рассуждает и Э. Демир: «Индо-Пацифика не является „естественным“ экономическим регионом и не имеет необходимой экономической институциональной архитектуры... В отсутствие прочной экономической основы попытка реализации этой идеи несёт в себе риск подрыва прочной экономической взаимосвязи Азиатско-Тихоокеанского региона, снижая уже существующее пространственное соответствие между регионализацией и регионализмом» [19, р. 55]. Другие авторы развивают эту мысль: Индо-Тихоокеанский регион в меньшей степени построен на тех интересубъективно общих предпосылках, которые, по общему признанию, управляют формированием региона: близость, интересы и идентичность [30]. ИТР — это, скорее, региональный диалог, движимый императивами геостратегической конкуренции, усиливающими соперничество великих держав и усугубляющими дилеммы региональной безопасности [24, р. 19].

Подобной логики придерживаются и китайские исследователи. Как полагает один из авторов, «концепция „Индо-Тихоокеанский регион“ лишена поддерживающей её геоэкономической основы, а значит, „Индо-Тихоокеанский регион“ по своей сути слабее „Азиатско-Тихоокеанского региона“ в построении механизмов регионального экономического сотрудничества. Поэтому не стоит слишком бояться „Индо-Тихоокеанского региона“ или той угрозы, которую он может представлять в будущем» [53]. Некоторые отечественные специалисты в своей критике ИТР опираются на его сопоставление с идеей Большой Евразии, рассматривая их в качестве двух конкурирующих «мегапроектов». Они приходят к выводу, что «Большая Евразия обладает качествами, позволяющими прогнозировать её успешное развитие и высокую конкурентоспособность в стратегической перспективе, в то время как проект ИТР сталкивается с факторами, подрывающими его жизнеспособность» [2, с. 31]. Однако в большинстве своём российские эксперты если и не указывают прямо на преимущества Азиатско-Тихоокеанского региона, то неявным образом отдают предпочтение этому привычному региональному шаблону¹.

В совокупности результаты сравнения АТР и ИТР дают следующую картину. Если фундаментом АТР выступает экономика, то ИТР мотивируется в первую очередь соображениями геополитики и безопасности; в то время как определяющей характеристикой первого

¹ См., например: [1; 4].

является инклюзивность, отличительной чертой второго выступает эксклюзивность; первый отличает значительный, хотя и несовершенный, уровень институционализации, второй остаётся слабо оформленным и организованным; наконец, АТР содействует интеграции и росту регионального единства, ИТР ведёт к разделению Азии на конкурирующие блоки. Соответствует ли эта картина реальной действительности? Или же она является результатом не вполне корректных сопоставлений, идеализированных представлений или даже заблуждений в отношении того, что мы называем Азиатско-Тихоокеанским регионом? Для ответа на этот вопрос необходимо хотя бы коротко реконструировать реальную историю его появления и охарактеризовать его современное состояние.

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: РЕКОНСТРУКЦИЯ РЕАЛЬНОСТИ

Впервые идея создания Азиатско-Тихоокеанского региона как пространства, объединённого общей судьбой, была представлена в 1967 г. Такэо Мики, министром иностранных дел, а затем и премьер-министром Японии. Во многом она опиралась на разработанный К. Кодзимой² проект создания Тихоокеанской зоны свободной торговли (ПАФТА), объединяющей пять индустриальных стран региона с перспективой расширения в будущем. Этот проект, по словам П. Корхонена, был и рациональным, поскольку логически вытекал из региональной экономической ситуации в 1960-х гг., как её видела Япония, и одновременно смелым, нарушавшим условия, которые обычно ассоциируются с региональной интеграцией [31, р. 1]. Однако, несмотря на политическую поддержку, которую он получил в самой Японии, другие вероятные участники предлагаемого объединения — США, Австралия, Новая Зеландия, Канада — отнеслись к нему весьма прохладно. Этот скепсис был ожидаем, учитывая выводы, представленные авторитетным экономистом Г. Мюрдалем в фундаментальном исследовании, появившемся в это же время. Доминирующий образ Азии описывался им с преобладающим акцентом на многочисленные конфликты, проблемы, преимущественно бедное население и низкую технологическую базу. Всё это, считал он, указывало на то, что Азия обречена на бедность и продолжительную нестабильность [40]. Неудивительно, что в течение почти двух последующих десятилетий идея Тихоокеанского сообщества как общерегионального экономического объединения оставалась в лучшем случае предметом академических дебатов, неправительственных инициатив или риторических заявлений лидеров некоторых азиатских государств [3, с. 39—71].

² Подробнее см.: [3].

Однако с середины 1980-х гг. прежнее равнодушие к проектам региональной кооперации сменяется растущим энтузиазмом, опирающимся на всё более популярные представления о наступлении «Тихоокеанского века» и смещении «центра мировой власти» от Атлантики и США в Азию [21]³. Его практическим выражением стало создание в 1989 г. организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), институционально оформившей то, что стало называться Азиатско-Тихоокеанским регионом. С этого времени в общественном сознании АТР постепенно приобрёл характеристики столь же значимой геополитической конструкции, сравнимой с такими понятиями, как Европа или Латинская Америка [23, p.150, 158]. Возникает вопрос: что же стало причиной столь радикальной смены представлений, приведшей к появлению Азиатско-Тихоокеанского региона, несмотря на отсутствие в течение многих лет интереса к этой идее? Ответ на него позволяет обнаружить не только иную логику, несколько отличающуюся от привычных представлений о причинах и драйверах рождения АТР. Он также помогает понять обстоятельства и причины, которые, похоже, всё более явно приближают его закат.

Сотрудничество без региона: азиатская машина роста

В соответствии с общепринятым представлением появление Азиатско-Тихоокеанского региона обусловлено экономическим детерминизмом и возникшей на этой основе идеей «Тихоокеанского века». Согласно этому представлению, в отличие от европейского регионального строительства как институциональной интеграции, аналогичный процесс в Азии опирался на функциональное, постепенно углубляющееся сотрудничество между экономикой — а не государствами — в различных областях. Он начался благодаря не столько формальным государственным инициативам («регионализм»), сколько более неформальным усилиям «снизу вверх», подталкиваемым глобализацией и расширением сложных сетей торговли и производства («регионализация»).

Однако бурный экономический рост, сопровождавшийся расширением хозяйственных взаимодействий группы стран Восточной Азии в 1960-е и 1970-е гг., на который возлагались надежды

³ Интересно, что в 1988 г. отец китайских реформ Дэн Сяопин весьма сдержанно оценил идею «Азиатского века». Во время встречи с премьер-министром Индии Радживом Ганди он сказал: «В последние годы люди говорили, что следующее столетие будет веком Азии и Тихого океана, как будто это так и будет. Я не согласен с этой точкой зрения». По его мнению, «подлинный Азиатско-Тихоокеанский, или Азиатский, век не наступит, пока не разовьются Китай, Индия и другие соседние страны», что выглядело маловероятным в ближайшее время. Цит. по: [42, p. 31].

и который позже предполагалось масштабировать в рамках более широкого АТР, как представляется, являлся следствием не только фундаментальных особенностей и специфики Азии. В гораздо большей степени его следует рассматривать как производное уникальной исторической ситуации и порождённого ею своеобразного механизма региональной кооперации. «Азиатское экономическое чудо», навевшее мечту о «Тихоокеанском веке», которая, в свою очередь, способствовала появлению АТР, опиралось на особую модель региональной связанности, известную как парадигма «стаи летящих гусей» (*flying geese paradigm*) [28]. В её рамках иерархически выстроенные региональные экономики согласованным образом движутся вперёд, систематически осваивая сравнительные преимущества посредством «упорядоченной» миграции промышленной деятельности. Япония в этой схеме выступала в роли бесспорного экономического лидера, являясь ключевым источником капитала и технологий, а её корпоративные сети объединяли фирмы в других странах Восточной Азии, обеспечивая быстрое институциональное и управленческое обучение в дополнение к «жёсткой» передаче технологии. Южная Корея и Тайвань были вторыми с идущими следом Сингапуром и Гонконгом. Затем к ним подключались Малайзия и Таиланд, чуть позже Китай и Индонезия вместе с другими выходящими на старт потенциальными участниками, такими как Вьетнам. Каждая экономика была способна последовательно двигаться вверх до тех пор, пока ведущее государство сохраняло лидерский потенциал и отсутствовала угроза нарушения внутренней иерархии в результате опережающего роста или обострения конкуренции, что и имело место вплоть до начала 1990-х гг. [33, р. 78—79].

Рождение этой модели и её устойчивость в течение ряда лет непосредственным образом были связаны с уникальной ситуацией, сложившейся в Азии после Второй мировой войны. В условиях нарастающего глобального идеологического противостояния двух супердержав эта часть мира превратилась в одну из важных арен соперничества. Для СССР основным партнёром в Азии стал Китай. Содействие его индустриальному развитию, помимо укрепления двусторонних союзнических отношений, также было призвано продемонстрировать преимущества социалистической экономики с целью привлечения и кооптации новых союзников. Практической демонстрацией стремления к укреплению и расширению социалистического лагеря в Азии стала война на Корейском полуострове 1950—1953 гг., в ходе которой Советский Союз вместе с Китаем встал на сторону КНДР.

США тоже уделяли серьёзное внимание мерам, способствующим формированию успешного капиталистического международного порядка, благодаря которым государства на «правильной стороне истории» могли бы извлекать очевидную выгоду [9, р. 518]. С этой целью они открыли для своих азиатских партнёров собственные

рынки, стремясь компенсировать им издержки, связанные с появлением идеологических барьеров и отсутствием возможности свободной торговли с Китаем [45, р. 8]. Свободный доступ на рынки США и ограничение на импорт, возможность использовать передовые американские технологии и отсутствие обременительных затрат на оборону позволили Японии реинвестировать растущие доходы в собственное индустриальное развитие, что быстро сделало страну региональным экономическим лидером. Одновременно с этим, основываясь на теории домино [26], США рассматривали Юго-Восточную Азию как неотъемлемый элемент стратегического «большого полу-месяца», простирающегося от Курильских островов до Ирана, стены, препятствующей распространению коммунизма [32]. Японии в этом случае отводилась роль ключевой опоры вместе с Южной Кореей и Тайванем в качестве стратегических передовых баз. Природные ресурсы региона, его потребительские рынки и стратегическое расположение вдоль основных торговых путей с востока на запад представляли собой ещё один важный ресурс, необходимый для восстановления Японии как «мощной азиатской промышленной державы, дружественной американским интересам, с более широкой целью удержания коммунизма в пределах евразийского континента» [22]. Это вполне совпадало с интересами самой Японии, которая также стремилась реинтегрироваться в Азию, пытаясь посредством выплаты репараций и помощи развитию поправить испорченную репутацию и по возможности укрепить позиции в регионе. С середины 1950-х гг., опираясь на собственный экономический подъём, она стала наращивать усилия в рамках программы регионального экономического сотрудничества [8]. Официальная помощь развитию, осуществлявшаяся в соответствии с различными соглашениями о репарациях, часто выступала в форме вывода устаревших технологий и промышленных предприятий как прототипа схемы «стаи летящих гусей». Эта схема в середине 1980-х гг. превратилась в ключевой элемент внешней политики Японии в качестве модели «комплексного развития» региона, где Япония играла лидирующую роль, а другие перенимали её опыт. И действительно, довольно долго эта модель работала весьма эффективно.

Включённым в эту схему азиатским экономикам в течение ряда лет удавалось сохранять динамизм, несмотря на удары мировых кризисов и внутренние трудности. Тем не менее с середины 1980-х гг. механизм согласованного регионального хозяйственного развития в Азии начинает давать сбои. Первым тревожным звонком стало резкое падение — с 8 до 2% — темпов экономического роста Японии в результате ревальвации йены по соглашению «Плаза» 1985 г. А в 1991 г. лопнувший финансовый пузырь и последовавшие за ним «три потерянных десятилетия» окончательно подорвали позиции Японии как ведущего игрока в схеме согласованной региональной кооперации. Опасаясь снижения промышленного потенциала, она постепенно стала отказываться от реструктуризации основных

отраслей промышленности, стремясь сохранить полный их набор внутри страны. Ситуацию ухудшило и изменение позиции США в отношении Азии. Начало этому было положено ещё в 1970-е гг. в связи с нормализацией отношений с Китаем и предоставлением ему условий, благоприятствующих экономическому росту. Затухание холодной войны ещё более снизило значимость проблем безопасности. В результате важность экономической поддержки действительных и потенциальных азиатских союзников со стороны США, тем более в ущерб собственным интересам, стала утрачивать прежнюю актуальность. Более того, в США начинает расти беспокойство по поводу набирающих силу азиатских конкурентов, которые получали дополнительные выгоды, сохраняя собственные рынки относительно закрытыми [25; 28]. В первую очередь это ударило по Японии. В 1988 г. проблема доступа американских компаний на японский рынок привела к появлению Закона о внешней торговле и конкурентоспособности Omnibus, включавшего положение, призывающее президента определять недобросовестных торговых партнёров и указывать товары в качестве предмета для переговоров с этими партнёрами. И уже в следующем году США внесли Японию в число такого рода партнёров [33, p. 100].

Окончательны удар, разрушивший «азиатскую машину роста» в её прежнем виде, был нанесён Китаем, чьё присоединение к «стае летящих гусей» первоначально воспринималось как триумф модели экономического роста под руководством Японии. Выход КНР из изоляции сначала вызвал дезорганизацию в прежде ранжированном региональном порядке распределения инвестиций и потеснил страны АСЕАН. Затем быстро расширяющиеся производственные и торговые сети с Тайванем и Гонконгом открыли для Китая возможность всё более активного перехвата технологического и конкурентного преимущества у Японии. В результате подъём Китая, по меткому замечанию некоторых наблюдателей, превратил многих азиатских «летающих гусей» в «хромых», или «сидящих, уток» [48; 7]. Затухание японского динамизма и подъём «Большого Китая» в 1990-е гг. принципиальным образом изменили ситуацию в регионе. Исчезла прежняя однозначная иерархия, сменившись более сложным шаблоном разделения труда. Прежний порядок заменила модель соперничающих производственных систем [33]. Распад шаблона «стаи летящих гусей» поставил всех региональных игроков перед необходимостью поиска других, более адекватных изменившимся условиям моделей развития и определения своих собственных интересов.

Регион без сотрудничества: рождение и упадок АТР

Несмотря на то, что в общераспространённом представлении рождение Азиатско-Тихоокеанского региона представляло собой кульминацию растущих экономических взаимосвязей между

азиатскими государствами, в действительности его появление следует рассматривать, скорее, как реакцию на кризис и попытку найти приемлемый эквивалент модели региональных взаимоотношений, позволяющий если не ускорить, то хотя бы сохранить динамику экономического роста и развития. Неудивительно, что форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) как институциональное выражение АТР возник в качестве организационного проекта, опирающегося на весьма разнородные мотивы его участников. Они включали, во-первых, преувеличенные представления о перспективах растущей Азии и выгодах присоединения к процессам, обеспечившим её экономический динамизм, во-вторых, намерения удержать от распада сложившуюся структуру игроков и отношений, в-третьих, попытки найти инструменты, способные в меняющихся условиях содействовать экономическому росту и развитию государств региона [13]. В 1993 г. министр иностранных дел Австралии Г. Эванс констатировал: «АТЭС — это всего лишь четыре буквы в поисках существительного» [14, p. 350].

С самого начала тремя основными целями АТЭС были определены: 1) развитие и укрепление многосторонней торговой системы; 2) увеличение взаимозависимости и процветания экономик-членов; 3) содействие устойчивому экономическому росту. Способом их достижения выступал «открытый регионализм», т.е. либерализация торговли, осуществляющаяся посредством добровольного процесса односторонних мер, применяемых в равной степени к членам и не-членам организации. Однако преобладающий акцент на экономике не означал игнорирования или отсутствия в случае АТЭС озабоченности, связанной с безопасностью. В действительности они были непосредственно встроены в само намерение экономического сотрудничества и интеграции [41, p. 122]. Основатели АТЭС, по сути, следовали той же стратегии, которую использовала Япония в 1950-х и 1960-х гг., когда она, будучи небольшой страной, окружённой пострадавшими в войне подозрительными азиатскими соседями, вынуждена была, продвигая региональное сотрудничество, акцентировать внимание на экономике, дабы избежать политических подозрений и препятствий [31, p. 3—4]. Аналогичным образом, считает Д. Равенхилл, несмотря на настойчивые попытки отделить АТЭС от повестки безопасности, стремление к экономической взаимозависимости в Азиатско-Тихоокеанском регионе после холодной войны также было в основном мотивировано целью установления мирных межгосударственных отношений за счёт повышения издержек конфликта [47, p. 136—140].

Однако даже как преимущественно экономический инструмент АТЭС довольно скоро начал терять свой смысл. Укоренившийся меркантилизм большинства восточноазиатских государств поставил под сомнение важность свободной торговли как средства содействия развитию. На практике это привело к провалу программы ранней

добровольной секторальной либерализации [41, р. 115]. Одновременно процесс и методы консенсусного решения проблем, предпочитаемые азиатскими участниками, вступали в противоречие с «ориентированными на результат» подходами англо-американских акторов [46]. Финансовый кризис 1997 г., наглядно продемонстрировавший неспособность АТЭС оказать помощь азиатским государствам, нанёс удар не только репутации организации, но и самой концепции Азиатско-Тихоокеанского региона [41, р. 121]. Ещё в меньшей степени АТЭС оказался способен реализовать более амбициозные цели регионального строительства, такие как укрепление общности политических интересов или групповой идентичности [20, р. 3; 6, р. 8; 49]. Всё это указывало на то, что Азиатско-Тихоокеанский регион так и не сумел материализоваться [11, р. 114; 10, р. 92]. Он, полагает Р. Медкалф, оказался просто эволюционным этапом: «Эфемерная идея под названием „Азиатско-Тихоокеанский регион“ возникла как способ соединить Японию и другие азиатские экономики с Соединёнными Штатами и Австралией и сохранить связь Вашингтона через Тихий океан, даже когда окончание холодной войны дало ему повод уйти. Но структурное возрождение порядка в Индо-Тихоокеанском регионе было неизбежным, как только Китай и Индия начали реформировать, торговать и снова смотреть вовне» [35, р. 87].

ИНДО-ТИХООКЕАНСКИЙ VERSUS АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ: ПОДВОДА ИТОГ

Прежде всего, нельзя не признать, что с методологической точки зрения сам подход к сравнению кажется не вполне корректным. Во-первых, не вполне ясно, что именно — концепция, проект или результаты — в этом случае сопоставляется. Во-вторых, возникает сомнение в обоснованности выводов, источником которых является сравнение, с одной стороны, феномена зрелого, прошедшего определённую историю становления и даже вступившего, как представляется, в эпоху своего заката (АТР) с явлением сравнительно новым, возникающим и ещё не определившимся окончательно в основных своих контурах как с содержательной, так и пространственно-географической точки зрения (ИТР). Более того, каждый из них при более внимательном рассмотрении выглядит не вполне убедительным.

Так, вопреки предполагаемому, хотя и не всегда явно формулируемому представлению о большей «естественности» Азиатско-Тихоокеанского регионального пространства по сравнению с Индо-Тихоокеанским, ни то ни другое таковым не является. АТР как политико-экономико-стратегическое пространство, во многом сформированное событиями и динамикой холодной войны, в той же степени, как и ИТР, представляет собой пространство «социально сконструированное».

Далее, настойчиво проводимое разграничение между АТР как преимущественно экономическим проектом и ИТР, основывающимся прежде всего на безопасности, в свете сказанного выше также выглядит не вполне обоснованным. В основе появления Азиатско-Тихоокеанского региона тоже лежала динамика безопасности. На начальном этапе её обуславливало стремление оградить регион от «угрозы коммунизма» и предотвратить повторную милитаризацию Японии. Позднее одним из важных стимулов регионализма в этой части мира выступала стратегия извлечения выгод безопасности из взаимозависимостей, создаваемых им и его институтами [41, р. 115]. В случае Индо-Тихоокеанского региона стремительный рост Китая стал поводом для обеспокоенности государств, которые «боятся или не доверяют (или и то и другое) миру, в котором он доминирует» [43]. Эта общая «угроза» меняет позиции многих из них, отражением чего становится поиск и поддержка новых региональных форматов.

Степень институционализации АТР также вряд ли следует преувеличивать. Даже после нескольких десятилетий эволюционного развития институциональная структура в Азиатско-Тихоокеанском регионе представлена в основном различными дискуссионными клубами и общим процессом диалога, которые вместо принятия решений производят идеи, образы и мысленные конструкции окружающего мира [31, р. 2; 12]. Очевидная слабость существующих региональных институтов и их неспособность найти адекватные ответы на вновь возникающие вызовы, как отмечают многие, стали одной из причин поиска новых форм региональной организации. С другой стороны, институционализация ИТР, усиливающаяся вместе с появлением прототипа его формальной организации (Quad) и ростом согласованности между членами, делает все менее соответствующими действительности утверждения, что Индо-Тихоокеанский регион представляет собой *ad hoc* идею, направленную только на сдерживание Китая.

Наконец, разграничение АТР и ИТР в соответствии с параметром эксклюзивности/инклюзивности также кажется не вполне справедливым. За рамками Азиатско-Тихоокеанского региона оказались такие важные страны, как Индия. Ей не удалось присоединиться к АТЭС ни в 1991 г., ни в 1997 г., когда членами форума стали Перу, Россия и Вьетнам. АТР, отмечает в этой связи Р. Уилсон, — это «ошибочная географическая концепция, ведущая к неестественному исключению государств и народов, которые в противном случае были бы частью эндогенного географического региона» [51].

С другой стороны, несмотря на преобладающие представления о том, что дискурс Индо-Тихоокеанского региона предполагает исключение или сдерживание Китая, они, убеждён Р. Медкалф, верны только отчасти. Идея ИТР действительно предполагает ослабление влияния Китая. «Однако, — пишет он, — речь идёт не о том,

чтобы изолировать Китай от его собственного расширенного региона, а скорее о том, чтобы включить его как страну, которая в большом и многополярном регионе является заметной — просто не доминирующей» [37]. Одновременно и отношение самого Китая к азиатскому сотрудничеству, которое представляется в качестве примера инклюзивного регионализма, мало чем отличается. Несмотря на свою декларативную инклюзивность, инициатива «Один пояс — один путь», признаёт Э. Демир, «стремится отстаивать интересы Китая, помещая его в центр или отправную точку азиатской связанности и сотрудничества, в соответствии с которой все дороги ведут в Пекин» [19, p. 54].

Вместе с тем всё это не говорит о каких-то несомненных достоинствах и преимуществах Индо-Тихоокеанского региона в качестве возможного проекта регионального переустройства или о его безоблачных перспективах практической реализации. Сказанное свидетельствует лишь о том, что ИТР следует рассматривать не как угрозу или вызов АТР, а скорее как реакцию на слабость последнего, его неадекватность меняющейся ситуации и несоответствие интересам самых разных региональных игроков. При этом споры по поводу нужности, полезности, равно как и обоснованности концептуальных основ концепции Индо-Тихоокеанского региона, несомненно, будут продолжаться, поскольку само это понятие означает и, вероятно, какое-то время будет означать разное для разных людей. И то, чем ИТР сможет стать в будущем, как справедливо отмечают Б. Кэннон и Э. Росситер, во многом будет зависеть от политики и решений основных действующих лиц в регионе — государств и элит, принимающих в этих государствах решения [16, p. 10].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Азиатско-Тихоокеанский регион: новый центр мировой политики и экономики? Мировое развитие. Вып. 17 / отв. ред. К.Р. Вода, А.А. Невская, П.П. Тимофеев. М.: ИМЭМО РАН, 2017. 195 с.
2. Канаев Е.А., Королёв А.С. Большая Евразия, Индо-Тихоокеанский регион и отношения России с АСЕАН // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 1. С. 26—43.
3. Ковригин Е.Б. Противоречия и перспективы формирования «тихоокеанского сообщества». М.: Международные отношения, 1986. 176 с.
4. Международная научная конференция «Место Азиатско-Тихоокеанского региона в современных международных отношениях: проблемы безопасности и перспективы развития». Сборник статей / под ред. В.А. Аваткова, Т.В. Кашириной. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2019. 494 с.
5. Яник А.А. Продвижение концепции Indo-Pacific как механизм изменения регионального стратегического баланса: от Хаусхофера до Трампа // Конфликтология / nota bene. 2019. № 4. С. 64—83.

6. A Vision for APEC Towards an Asia Pacific Economic Community. Report of the Eminent Persons Group to APEC Ministers. Singapore: APEC Secretariat, 1993. 48 p.
7. Ahearne A.G., Fernald J.G., Loungani P., Schindler J.W. Flying Geese or Sitting Ducks: China's Impact on the Trading Fortunes of Other Asian Countries // *International Finance Working Paper* 887. 2006. P.1—27. URL: <https://www.federalreserve.gov/pubs/ifdp/2006/887/ifdp887.pdf> (дата обращения: 10.03.2025).
8. Arase P. Public-Private Sector Interest Coordination in Japan's ODA // *Pacific Affairs*. 1994. No. 67 (2). P.171—199.
9. Beeson M. Asian Regionalism: Not so New, Not so Effective // *Pacific Affairs*. 2019. Vol. 92. No. 3. P.515—523.
10. Beeson M. Institutionalizing the Indo-Pacific: The Challenges of Regional Cooperation // *East Asia*. 2018. No. 35 (2). P.85—98.
11. Beeson M., Breslin S. Regional and Global Forces in East Asia's Economic Engagement with International Society // *Contesting International Society in East Asia* / Ed. by B. Buzan, Y. Zhang. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P.93—118.
12. Beeson M., Lee-Brown T. Regionalism for Realists? The Evolution of the Indo-Pacific // *Chinese Political Science Review*. 2021. Vol. 6. Iss. 2. P.167—186.
13. Beeson M., Yoshimatsu Hidetaka. Asia's Odd Men Out: Australia, Japan, and the Politics of Regionalism // *CSGR Working Paper Series No.196/06*. March 2006. URL: https://wrap.warwick.ac.uk/id/eprint/1909/1/WRAP_Beeson_wp19606.pdf (дата обращения: 26.12.2024).
14. Bisley N. APEC: Asia-Pacific Economic Cooperation // *Routledge Handbook of Asian Regionalism* / Ed. by M. Beeson, R. Stubbs. Oxon: Routledge, 2012. P.350—363.
15. Bowring Ph. *Empire of the Winds: The Global Role of Asia's Great Archipelago*. Bloomberg and New York: I.B. Taurus, 2019. 336 p.
16. Cannon B.J., Rossiter A. The "Indo-Pacific": Regional Dynamics in the 21st Century's New Geopolitical Center of Gravity // *Rising Powers Quarterly*. 2018. Vol. 3. Iss. 2. P.7—17.
17. Chacko P. The Rise of the Indo-Pacific: Understanding Ideational Change and Continuity in India's Foreign Policy // *Australian Journal of International Affairs*. 2014. Vol. 68. Iss. 4. P.433—452.
18. Coker C. *Surfing the Zeitgeist* // *Meaning and International Relations* / Ed. by P. Mandaville, A. Williams. London and New York: Routledge, 2003. P.20—37.
19. Demir E. Fragmented or Integrated Asia: Competing Regional Visions of the US and China // *Rising Powers Quarterly*. 2018. Vol. 3. Iss. 2. P.45—65.
20. Dirlik A. *What is in a Rim? Critical Perspectives on the Pacific Region Idea*. Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 1998. 390 p.
21. Foot R., Walter A. Whatever Happened to the Pacific Century? // London: LSE Research Online. 1999. URL: http://eprints.lse.ac.uk/747/1/Walter_A_RevIntStud_25%285%29.pdf (дата обращения: 03.02.2025).
22. Great Crescent: Art and Agitation in the 1960s — Japan, South Korea, and Taiwan // *Para Site*. November 10, 2013. URL: <https://www.e-flux.com/announcements/31924/great-crescent-art-and-agitation-in-the-1960s-japan-south-korea-and-taiwan/> (дата обращения: 26.12.2024).
23. He Kai, Feng Huiyun. The Institutionalization of the Indo-Pacific: Problems and Prospects // *International Affairs*. 2020. Vol. 96. Iss. 1. P.149—168.

24. Higgott R. The Decline and Rise of Hegemonic Narratives: From Globalisation and the “Asia-Pacific” to Geopolitics and the “Indo-Pacific”. Research Report, April 2024. London: The London School of Economics and Political Science, 2024. 25 p.
25. Hook G.D., Gilson J., Highs C.W., Dobson H. Japan’s International Relations: Politics, Economics and Security. London and New York: Routledge, 2001. 632 p.
26. Jervis R. Domino Beliefs and Strategic Behavior // *Dominoes and Bandwagons: Strategic Beliefs and Great Power Competition in the Eurasian Rimland* / Ed. by R. Jervis and J. Snyder. New York: Oxford University Press, 1991. P. 20—50.
27. Kaplan R.D. Monsoon. The Indian Ocean and the Future of American Power. New York: Random House, 2011. 366 p.
28. Kasahara Shigehisa. The Asian Developmental State and the Flying Geese Paradigm // United Nations Conference on Trade and Development. Discussion Papers. November 2013. No. 213. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/osgdp20133_en.pdf (дата обращения: 10.02.2025).
29. Koldunova E. Russia’s Ambivalence about an Indo-Pacific Strategy // *Asia Pacific Bulletin*. No. 467. May 6, 2019. URL: <https://www.eastwestcenter.org/publications/russia%E2%80%99s-ambivalence-about-indo-pacific-strategy> (дата обращения: 07.03.2021).
30. Kolmas M., Qiao-Franco Guangyu, Karmazin A. Understanding Region Formation Through, Proximity, Interests and Identity: Debunking the Indo Pacific as a Viable Regional Demarcation // *The Pacific Review*. 2024. Vol. 37. No. 1. P. 1067—1089.
31. Korhonen P. Japan and the Pacific Free Trade Area. Abingdon: Routledge, 1994. 218 p.
32. Layne C. From Preponderance to Offshore Balancing, America’s Future Grand Strategy // *International Security*. 1997. Vol. 22. No. 1. P. 86—124. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/36735359.pdf> (дата обращения: 25.12.2024).
33. MacIntyre A., Barry N. The Decline of a Japan-led Model of the East Asian Economy // *Remapping East Asia. The Construction of a Region* / Ed. by T.J. People. Ithaca and London: Cornell University Press, 2005. P. 77—100.
34. Manicom J., O’Neil A. Accommodation, Realignment, or Business as Usual? Australia’s Response to a Rising China // *The Pacific Review*. 2010. Vol. 23. No. 1. P. 23—44.
35. Medcalf R. Indo-Pacific Visions: Giving Solidarity a Chance // *Asia Policy*. 2019. Vol. 14. No. 3. P. 79—95.
36. Medcalf R. Reimagining Asia: From Asia-Pacific to Indo-Pacific // *International Relations and Asia’s Southern Tier: ASEAN, Australia, and India* / Ed. by G. Rozman, J. Chinyong Liow. Singapore: Springer, 2018. P. 9—28.
37. Medcalf R. The Indo-Pacific with Chinese Characteristics // *Politique étrangère*. 2019. Iss. 3. P. 1—14.
38. Mohan C. Raja. *Samudra Manthan: Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2012. 360 p.
39. Muraviev A.D. Understanding Russia’s Strategic Engagement with the Indo-Asia-Pacific // *Asia Pacific Bulletin*. No. 475. May 6, 2019. URL: <https://www.eastwestcenter.org/publications/understanding-russia%E2%80%99s-strategic-engagement-the-indo-asia-pacific> (дата обращения: 07.03.2021).
40. Myrdal G. *The Asian Drama: An Inquiry into the Poverty of Nations*. In 3 Vols. New York: Twentieth Century Fund, 1968. Vol. 2. 284 p.

41. Nair D. Regionalism in the Asia Pacific / East Asia: A Frustrated Regionalism? // *Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs*. 2009. Vol. 31. No. 1. P. 110—142.
42. Pan Chengxin. The Asian/Chinese Century from the Chinese Perspective // *Griffith Asia Quarterly*. 2013. Vol. 1. Iss. 1. P. 30—52.
43. Pan Chengxin. The Indo-Pacific and Geopolitical Anxieties about China's Rise in the Asian Regional Order // *Australian Journal of International Affairs*. 2014. Vol. 68. Iss. 4. P. 453—469.
44. Pardesi M.S. The Indo-Pacific: A “New” Region or the Return of History? // *Australian Journal of International Affairs*. 2020. Vol. 74 (2). P. 124—146.
45. Pempel T.J. Introduction // *Remapping East Asia: The Construction of a Region* / Ed. by T.J. Pempel. Ithaca and London: Cornell University Press, 2005. P. 1—28.
46. Ravenhill J. APEC and the Construction of Pacific Rim Regionalism. New York: Cambridge University Press, 2001. 308 p.
47. Ravenhill J. Mission Creep or Mission Impossible? // *Reassessing Security Cooperation* / Ed. by Amitav A., Evelyn G. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2007. P. 135—154.
48. Saravanamuttu J. The Southeast Asian Development Phenomenon Revisited: From Flying Geese to Lame Ducks // *Pacific Review*. 1998. Vol. 10. Iss. 2. P. 111—125.
49. Voigt K. Does APEC Matter Anymore? // CNN. November 6, 2009. P. 1—3. URL: <https://edition.cnn.com/2009/BUSINESS/11/06/apec/does.it.matter/> (дата обращения: 06.12.2024).
50. Wilson J.D. Rescaling to the Indo-Pacific: From Economic to Security-Driven Regionalism in Asia // *East Asia*. 2018. Vol. 35. Iss. 2. P. 177—196.
51. Wilson R. Imagining “Asia-Pacific”: Forgetting Politics and Colonialism in the Magical Waters of the Pacific // *Cultural Studies*. 2000. Vol. 14. Iss. 3—4. P. 562—592.
52. 周方银, 王婉. 澳大利亚视角下的印太战略及中国的应对 = Чжоу Фаньинь, Ван Ван. Стратегия Индо-Тихоокеанского региона с точки зрения Австралии и реакции Китая // *现代国际关系*. 2018. Вып. 1. С. 29—36.
53. 杨怡爽. “印太”的经济逻辑辨析 = Ян Ишун. Анализ экономической логики «Индо-Тихоокеанского региона» // *国际展望*. 2019. Вып. 2. С. 87. URL: <https://www.siis.org.cn/updates/cms/old/UploadFiles/file/20190321/201902006%20%E6%9D%A8%E6%80%A1%E7%88%BD.pdf> (дата обращения: 07.03. 2021).

REFERENCES

1. *Aziatsko-Tikhookeanskiy region: novyy tsentr mirovoy politiki i ekonomiki? Mirovoe razvitie* [The Asia-Pacific Region: A New Center for World Politics and Economics? Global Development]. Iss. 17. Ed. by K.R. Voda, A.A. Nevskaya, P.P. Timofeev. Moscow, IMEMO RAN Publ., 2017, 195 p. (In Russ.)
2. Kanaev E.A., Korolev A.S. Bol'shaya Evraziya, Indo-Tikhookeanskiy region i otnosheniya Rossii s ASEAN [Greater Eurasia, the Indo-Pacific Region and Russia's Relations with ASEAN]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*, 2019, vol. 12, no. 1, pp. 26—43. (In Russ.)
3. Kovrigin E.B. *Protivorechiya i perspektivy formirovaniya "tikhookeanskogo soobshchestva"* [Contradictions and Prospects for the Formation of the “Pacific Community”]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1986, 176 p. (In Russ.)

4. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya "Mesto Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh: problemy bezopasnosti i perspektivy razvitiya"*. Sbornik statey [International Scientific Conference "The Place of the Asia-Pacific Region in Modern International Relations: Security Issues and Development Prospects". Collected Papers]. Ed. By V.A. Avatkov, T.V. Kashirina. Moscow, Diplomaticheskaya akademiya MID Rossii Publ., 2019, 494 p. (In Russ.)
5. Yanik A.A. Prodvizhenie kontseptsii Indo-Pacific kak mekhanizm izmeneniya regional'nogo strategicheskogo balansa: ot Khaushofer do Trampa [Promoting the Indo-Pacific Concept as a Mechanism for Changing the Regional Strategic Balance: From Haushofer to Trump]. *Konfliktologiya / nota bene*, 2019, no. 4, pp. 64—83. (In Russ.)
6. *A Vision for APEC Towards an Asia Pacific Economic Community. Report of the Eminent Persons Group to APEC Ministers*. Singapore, APEC Secretariat Publ., 1993, 48 p. (In Eng.)
7. Ahearne A.G., Fernald J.G., Loungani P., Schindler J.W. Flying Geese or Sitting Ducks: China's Impact on the Trading Fortunes of Other Asian Countries. *International Finance Working Paper 887*, 2006, pp. 1—27. Available at: <https://www.federalreserve.gov/pubs/ifdp/2006/887/ifdp887.pdf> (accessed 10.03.2025).
8. Arase P. Public-Private Sector Interest Coordination in Japan's ODA. *Pacific Affairs*, 1994, no. 67 (2), pp. 171—199. (In Eng.)
9. Beeson M. Asian Regionalism: Not so New, Not so Effective. *Pacific Affairs*, 2019, vol. 92, no. 3, pp. 515—523. (In Eng.)
10. Beeson M. Institutionalizing the Indo-Pacific: The Challenges of Regional Cooperation. *East Asia*, 2018, no. 35 (2), pp. 85—98. (In Eng.)
11. Beeson M., Breslin S. Regional and Global Forces in East Asia's Economic Engagement with International Society. *Contesting International Society in East Asia*. Ed. by B. Buzan, Y. Zhang. Cambridge, Cambridge University Press, 2014, pp. 93—118. (In Eng.)
12. Beeson M., Lee-Brown T. Regionalism for Realists? The Evolution of the Indo-Pacific. *Chinese Political Science Review*, 2021, vol. 6, iss. 2, pp. 167—186. (In Eng.)
13. Beeson M., Yoshimatsu Hidetaka. Asia's Odd Men Out: Australia, Japan, and the Politics of Regionalism. *CSGR Working Paper Series No. 196/06*. March 2006. Available at: https://wrap.warwick.ac.uk/id/eprint/1909/1/WRAP_Beeson_wp19606.pdf (accessed 26.12.2024). (In Eng.)
14. Bisley N. APEC: Asia-Pacific Economic Cooperation. *Routledge Handbook of Asian Regionalism*. Ed. by M. Beeson, R. Stubbs. Oxon, Routledge Publ., 2012, pp. 350—363. (In Eng.)
15. Bowring Ph. *Empire of the Winds: The Global Role of Asia's Great Archipelago*. Bloomberg and New York, I.B. Taurus Publ., 2019, 336 p. (In Eng.)
16. Cannon B.J., Rossiter A. The "Indo-Pacific": Regional Dynamics in the 21st Century's New Geopolitical Center of Gravity. *Rising Powers Quarterly*, 2018, vol. 3, iss. 2, pp. 7—17. (In Eng.)
17. Chacko P. The Rise of the Indo-Pacific: Understanding Ideational Change and Continuity in India's Foreign Policy. *Australian Journal of International Affairs*, 2014, vol. 68, iss. 4, pp. 433—452. (In Eng.)
18. Coker C. Surfing the Zeitgeist. *Meaning and International Relations*. Ed. by P. Mandaville, A. Williams. London and New York, Routledge Publ., 2003, pp. 20—37. (In Eng.)
19. Demir E. Fragmented or Integrated Asia: Competing Regional Visions of the US and China. *Rising Powers Quarterly*, 2018, vol. 3, iss. 2, pp. 45—65. (In Eng.)

20. Dirlik A. *What is in a Rim? Critical Perspectives on the Pacific Region Idea*. Oxford, Rowman & Littlefield Publishers, 1998, 390 p. (In Eng.)
21. Foot R., Walter A. Whatever Happened to the Pacific Century? *London: LSE Research Online*, 1999. Available at: http://eprints.lse.ac.uk/747/1/Walter_A_RevIntStud_25%285%29.pdf (accessed 03.02.2025). (In Eng.)
22. Great Crescent: Art and Agitation in the 1960s — Japan, South Korea, and Taiwan. *Para Site*, November 10, 2013. Available at: <https://www.e-flux.com/announcements/31924/great-crescent-art-and-agitation-in-the-1960s-japan-south-korea-and-taiwan/> (accessed 26.12.2024). (In Eng.)
23. He Kai, Feng Huiyun. The Institutionalization of the Indo-Pacific: Problems and Prospects. *International Affairs*, 2020, vol. 96, iss. 1, pp. 149—168. (In Eng.)
24. Higgott R. *The Decline and Rise of Hegemonic Narratives: From Globalisation and the “Asia-Pacific” to Geopolitics and the “Indo-Pacific”*. Research Report, April 2024. London, The London School of Economics and Political Science Publ., 2024, 25 p. (In Eng.)
25. Hook G.D., Gilson J., Highs C.W., Dobson H. *Japan’s International Relations: Politics, Economics and Security*. London and New York, Routledge Publ., 2001, 632 p. (In Eng.)
26. Jervis R. Domino Beliefs and Strategic Behavior. *Dominoes and Bandwagons: Strategic Beliefs and Great Power Competition in the Eurasian Rimland*. Ed. by R. Jervis and J. Snyder. New York, Oxford University Press, 1991, pp. 20—50. (In Eng.)
27. Kaplan R.D. *Monsoon. The Indian Ocean and the Future of American Power*. New York, Random House Publ., 2011, 366 p. (In Eng.)
28. Kasahara Shigehisa. *The Asian Developmental State and the Flying Geese Paradigm. United Nations Conference on Trade and Development. Discussion Papers*, November 2013, no. 213. Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/osgdp20133_en.pdf (accessed 10.02.2025). (In Eng.)
29. Koldunova E. Russia’s Ambivalence about an Indo-Pacific Strategy. *Asia Pacific Bulletin*, no. 467, May 6, 2019. Available at: <https://www.eastwestcenter.org/publications/russia%E2%80%99s-ambivalence-about-indo-pacific-strategy> (accessed 07.03.2021). (In Eng.)
30. Kolmas M., Qiao-Franco Guangyu, Karmazin A. Understanding Region Formation Through, Proximity, Interests and Identity: Debunking the Indo Pacific as a Viable Regional Demarcation. *The Pacific Review*, 2024, vol. 37, no. 1, pp. 1067—1089. (In Eng.)
31. Korhonen P. *Japan and the Pacific Free Trade Area*. Abingdon, Routledge Publ., 1994, 218 p. (In Eng.)
32. Layne C. From Preponderance to Offshore Balancing, America’s Future Grand Strategy. *International Security*, 1997, vol. 22, no. 1, pp. 86—124. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/36735359.pdf> (accessed 25.12.2024). (In Eng.)
33. MacIntyre A., Barry N. The Decline of a Japan-led Model of the East Asian Economy. Remapping East Asia. *The Construction of a Region*. Ed. by T.J. Peopple. Ithaca and London, Cornell University Press, 2005, pp. 77—100. (In Eng.)
34. Manicom J., O’Neil A. Accommodation, Realignment, or Business as Usual? Australia’s Response to a Rising China. *The Pacific Review*, 2010, vol. 23, no. 1, pp. 23—44. (In Eng.)
35. Medcalf R. Indo-Pacific Visions: Giving Solidarity a Chance. *Asia Policy*, 2019, vol. 14, no. 3, pp. 79—95. (In Eng.)
36. Medcalf R. Reimagining Asia: From Asia-Pacific to Indo-Pacific. *International Relations and Asia’s Southern Tier: ASEAN, Australia, and India*.

- Ed. by G. Rozman, J. Chinyong Liow. Singapore, Springer Publ., 2018, pp. 9—28. (In Eng.)
37. Medcalf R. The Indo-Pacific with Chinese Characteristics. *Politique étrangère*, 2019, iss. 3, pp. 1—14. (In Eng.)
  38. Mohan C. *Raja. Samudra Manthan: Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific*. Washington, DC, Carnegie Endowment for International Peace Publ., 2012, 360 p. (In Eng.)
  39. Muraviev A.D. Understanding Russia's Strategic Engagement with the Indo-Asia-Pacific. *Asia Pacific Bulletin*, no. 475, May 6, 2019. Available at: <https://www.eastwestcenter.org/publications/understanding-russia%E2%80%99s-strategic-engagement-the-indo-asia-pacific> (accessed 07.03.2021). (In Eng.)
  40. Myrdal G. *The Asian Drama: An Inquiry into the Poverty of Nations*. In 3 Vols. New York, Twentieth Century Fund Publ., 1968, vol. 2, 284 p. (In Eng.)
  41. Nair D. Regionalism in the Asia Pacific / East Asia: A Frustrated Regionalism? *Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs*, 2009, vol. 31, no. 1, pp. 110—142. (In Eng.)
  42. Pan Chengxin. The Asian/Chinese Century from the Chinese Perspective. *Griffith Asia Quarterly*, 2013, vol. 1, iss. 1, pp. 30—52. (In Eng.)
  43. Pan Chengxin. The Indo-Pacific and Geopolitical Anxieties about China's Rise in the Asian Regional Order. *Australian Journal of International Affairs*, 2014, vol. 68, iss. 4, pp. 453—469. (In Eng.)
  44. Pardesi M.S. The Indo-Pacific: A “New” Region or the Return of History? *Australian Journal of International Affairs*, 2020, vol. 74 (2), pp. 124—146. (In Eng.)
  45. Pempel T.J. Introduction. *Remapping East Asia: The Construction of a Region*. Ed. by T.J. Pempel. Ithaca and London, Cornell University Press, 2005, pp. 1—28. (In Eng.)
  46. Ravenhill J. *APEC and the Construction of Pacific Rim Regionalism*. New York, Cambridge University Press, 2001, 308 p. (In Eng.)
  47. Ravenhill J. Mission Creep or Mission Impossible? *Reassessing Security Cooperation*. Ed. by A. Amitav, G. Evelyn. Cambridge, Mass., MIT Press, 2007, pp. 135—154. (In Eng.)
  48. Saravanamuttu J. The Southeast Asian Development Phenomenon Revisited: From Flying Geese to Lame Ducks. *Pacific Review*, 1998, vol. 10, iss. 2, pp. 111—125. (In Eng.)
  49. Voigt K. Does APEC Matter Anymore? *CNN*, November 6, 2009, pp. 1—3. Available at: <http://edition.cnn.com/2009/BUSINESS/11/06/APEC.does.it.matter/> (accessed 06.12.2024). (In Eng.)
  50. Wilson J.D. Rescaling to the Indo-Pacific: From Economic to Security-Driven Regionalism in Asia. *East Asia*, 2018, vol. 35, iss. 2, pp. 177—196. (In Eng.)
  51. Wilson Rob. Imagining “Asia-Pacific”: Forgetting Politics and Colonialism in the Magical Waters of the Pacific. *Cultural Studies*, 2000, vol. 14, iss. 3—4, pp. 562—592. (In Eng.)
  52. 周方银, 王婉. 澳大利亚视角下的印太战略及中国的应对 [Zhou Fanyin, Wang Wang. Strategy of the Indo-Pacific Region from the Point of View of Australia and China's reaction]. *现代国际关系*, 2018, iss. 1, pp. 29—36. (In Chin.)
  53. 杨怡爽. “印太”的经济逻辑辨析 [Yan Yishuang. Indo-Pacific Economic Logic Analysis]. *国际展望*, 2019, iss. 2, p. 87. Available at: <https://www.siiis.org.cn/updates/cms/old/UploadFiles/file/20190321/201902006%E0%9D%A8%E6%80%A1%E7%88%BD.pdf> (accessed 07.03. 2021). (In Chin.)